

УДК 783(571.5)

К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ МУЗЫКИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Никулин В. Г., кандидат искусствоведения, доцент, декан факультета исполнительских искусств, Арктический государственный институт искусств и культуры (г. Якутск). E-mail: agiki@mail.ru

Статья посвящена изучению русской церковной музыки Восточной Сибири конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: хор, тропарь, диакон, псаломщик, песнопение, клирос, литургия, культовая музыка, антология, распев.

TO STUDIES OF THE RUSSIAN CHURCH MUSIC OF EASTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Nikulin V. G., Candidate of Art History, Docentr, Dean of the Faculty of Performing Arts, Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk). E-mail: agiki@mail.ru

Studying the history of development and propagation of professional musical creativity in the eastern regions of Russia, where was only monodic culture of numerous native ethnic groups of North-Eastern Asia, solves the actual problem of modern domestic musicology.

Development of professional musical culture was historically associated with Orthodoxy and its attributive traditions including music come to Asia. This process began in the mid-XVII century was rather slow and not easy.

In this paper on the base of archival sources, an attempt is made to identify the picture of consistent and steady foundation of the musical culture in Eastern Siberia which at the same time became significant in the world music art.

Formation of Orthodox Christianity in this vast region, stretching from Krasnoyarsk to Russian America, was made by the four eparchies: Irkutsk, Kamchatka (later Blagoveshensk), Yakutsk and Vladivostok.

Besides church services, Eparchies performed various ceremonies, Orthodox and civil holidays. They cared of children education, creating a wide network of parochial and religious schools. It is a very significant

fact that church singing was almost only trained in these schools then. This subject was on the second place in the curriculum of church school education.

In the paper, examples of teaching development of the subject, samples of executable prayers and canons are given. The roles of the leading teachers of church singing in the eparchies of that time, P. Masjyukov, P. Laptev, N. Zavjyalov, I. Vinokurov, Father I. Raisky, I. Drozdov, deacon Pogorbunsky, S. Tikhvinsky are considered.

Given in the paper facts and examples of church music performance do not recreate the full picture of musical life of the eparchies in the specified historical period. Nevertheless they allow to show and to prove that development of the Russian church singing traditions in indigenous peoples of this vast territory proceeded more successfully thanks to activities of the eparchies.

Thus, it becomes clear that it is the Orthodox Church and its singing choral institutions played a leading role in the development of musical culture of New Time in the East of Russia.

Keywords: choir, troparion, deacon, psalmist, chanting, church choir, liturgy, religious music, anthology, chant.

Исследование исторических путей и особенностей распространения многоголосной музыки европейской традиции и русского народного, а также профессионального музыкального творчества в восточных регионах России, где исконно существовала лишь монодийная культура, которую исповедовали многочисленные этносы Северной и Восточной Азии, представляет собой актуальную задачу современного отечественного музыковедения.

Это тем более необходимо потому, что музыкальное искусство проживающих здесь народов и народностей в XX веке достигло (например у якутов) достаточно высокой степени развития именно в русле интегративных тенденций – обогащения привнесенных с Запада многоголосных форм музицирования благодаря использованию богатств местного песнетворчества.

Исторические данные свидетельствуют о том, что в России этот процесс в первую очередь был связан с проникновением в Азию православия и его атрибутивных традиций, в том числе и музыкальных. Этот процесс, начавшийся в сущности еще в середине XVII века, развивался, однако, довольно медленно и непросто. И лишь к концу XIX – началу XX веков он обретает определенную интенсивность и достигает достаточно заметных результатов – прежде всего благодаря участию в нем христианских институтов, в том числе православного хорового пения.

В свете сказанного в настоящей статье на основе сохранившихся архивных источников предпринята попытка выявить картину последовательного и неуклонного становления в Вос-

точной Сибири основ той музыкальной культуры, которая в это же время становилась значимой в мировом музыкальном искусстве.

К концу 80-х годов XIX века христианство прочно утвердилось на огромной территории Восточной Сибири, простиравшейся от Красноярска до Русской Америки и юго-востока России. Региональное устройство отдаленной и обширной окраины Российского государства осуществляли четыре духовных епархии: Иркутская, Камчатская (впоследствии Благовещенская), Якутская и Владивостокская.

Наряду с осуществлением служб, проведением различных обрядов, православных и гражданских праздников духовные наместники не только создавали духовные храмы, но и существенно заботились о школьном образовании детей, создавая широкую систему церковно-приходских школ, школ грамоты и духовных училищ. При этом особо значимым был тот факт, что каждая епархия непременно имела собственную духовную семинарию. Значение этого факта в выделенном нами аспекте определялось также и тем, что практически во всех духовных учебных заведениях осуществлялось обучение церковному пению, которое являлось вторым по своей роли предметом в структуре церковного образования.

Кроме того, хоровое пение звучало в духовных храмах в исполнении любительских и церковных коллективов. При этом наиболее совершенными закономерно считались семинарские и архиерейские хоры. Заметим, что тут следует отдать должное высшим духовным чинам восточно-сибирских епархий: они вдумчиво и скрупулез-

но подходили к подбору и оценке деятельности регентов. Последними, как правило, чаще всего были выпускники Петербургской придворной певческой капеллы и Московского синодального училища. Назовем несколько имен людей, чья заслуга в создании фундамента развития хорового пения в Восточной Сибири неоспорима.

Так, яркий след в истории распространения и освоения русской православной музыки в епархиях в рассматриваемый период оставили: П. Масюков, П. Лаптев, Н. Завьялов (Якутская епархия), И. Райский, диакон Подгорбунский (Иркутская), С. Тихвинский (Благовещенская) и др.

Регенты часто посещали духовные учебные заведения, оказывали профессиональную помощь учителям пения, организовывали для них подготовительные певческие курсы, участвовали в деятельности епархиальных певческих комиссий.

В архивных документах разных епархий отмечается, что с открытием в Сибири первых духовных школ в них проводятся, хотя и не всегда успешно, уроки церковного пения. Ярким примером этого может служить первая «мунгальская» школа (1725), открытая в Иркутской епархии при Вознесенском монастыре. Показательно, что в ней обучались и дети коренного населения [11].

В первой школе Якутской епархии в самом начале XIX века также преподавалось хоровое пение. Но обучение ему, как, впрочем, и другим предметам, было непродолжительным, ибо эта школа действовала всего 16 лет и прекратила свое существование – не только из-за отсутствия необходимых средств, но и ввиду низкого качества преподавания. Когда за два года до этого Иркутский архиепископ Михаил II побывал в ней, ему пришлось убедиться в ненадлежащем ведении церковного пения: «...якутские причетники, – говорится в его отчете, – ни один не был обучен петь». По этому случаю им были даны надлежащие наставления, в числе которых предусматривались даже штрафы за неуспешность в освоении церковного пения [17].

С течением времени число духовных школ неуклонно увеличивалось во всех восточно-сибирских епархиях и хоровому пению, как важнейшему элементу духовных служб, уделялось первостепенное значение. Притом детей не только обучали пению, но и привлекали к обязательному исполнению на клиросе, поскольку детские

голоса особенно ценились в клиросном пении, составляя, как отмечал якутский регент И. Железнов, чуть ли не лучшее украшение хора [6].

Расцвет духовных школ в Сибири приходится на 80–90-е годы XIX века. В 1884 году происходит очередная, третья (и последняя), реформа школьного духовного образования. Главным ее достоинством явилось введение в школах должностей учителей пения (кроме священников), что, прежде всего, свидетельствовало о повышении значимости хорового пения не только в богослужебном деле, но и в развитии музыкальной культуры края. Это нововведение не замедлило дать свои положительные результаты. В частности, в школах, кроме уроков пения, стали создаваться школьные хоры.

Так, своим хором славилась кутуликская школа Балаганского округа Иркутской епархии. Его состав в 1894 году насчитывал 76 учеников, то есть, судя по архивным документам, это был уже довольно мощный хор. Источники свидетельствуют, что данный коллектив, существовавший с 1891 года, под руководством диакона Платона Копаровского в момент посещения Иркутского епископа исполнил тропарь «Спаси, Господи, люди твоя» и гимн «Боже, царя храни» [2]. Хоровое пение существовало и еще в семи школах этой епархии. Следует добавить, что и в остальных школах, где не было хора, отдельные учащиеся принимали участие в пении на клиросе вместе с опытными псаломщиками и диаконами. В число обязательных песнопений для изучения включались общеупотребительные молитвы: «Царю небесный», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Спаси, Господи, люди твоя», «Свете тихий» и др.

Заслуживает особого внимания и тот факт, что церковное хоровое пение постепенно закрепляется в инородческих школах Иркутской, Якутской и Камчатской (Благовещенской) епархий, где музыкальные традиции коренных этносов развивались в русле монодий. И тем не менее они успешно осваивали русское многоголосие, что в дальнейшем немало способствовало созданию здесь профессиональной музыки западной традиции.

В этом плане выделялась петропавловская школа, где был образован певческий коллектив из шести учащихся-бурят. Также в Якутской епар-

хии в красноярской школе Намского улуса отмечалось хорошее исполнение учащимися-якутами храмового тропаря «Днесь благоверни» и «Исполла э ти деспота», песнопений «Отче наш», «Милость мира» [7; 12; 13].

В 1900–1901 годы положительные результаты занятий хорovým пением отмечались в табагинской, бестяхской и соттинской школах. Известно также, что в Тандинской школе десять учащихся-якутов уверенно исполняли «Отче наш», «О тебе радуется», «Днесь благодать», «Милость мира», «Христос Воскресе» [18].

Осваивая церковное хоровое пение, якутские дети в ходе занятий получали также навыки проведения служб, правильной организации всего певческого дела, что, бесспорно, оказалось чрезвычайно плодотворным в дальнейшем. Положительные результаты, чистое и стройное пение детей наглядно опровергали существовавшее ранее мнение о якобы природной неспособности коренных народов и народностей Северной Азии к многоголосному пению.

Школы с хорошо организованным церковным пением действовали и в Камчатской епархии. Среди них выделялись Благовещенская новособорная школа (регент архиерейского хора С. Тихвинский), мариинская (священник А. Протодиаконов), софийская (священник А. Писарев), пуциловская (священник И. Верещагин), николевская (регент-любитель).

В Белогорской школе той же епархии особым прилежанием в области церковного пения отмечался регент М. Троицкий, который начинал и заканчивал занятия в школе хорovým церковным пением, что было хорошим примером, своеобразной школой воспитания у детей необходимых навыков. Нужно подчеркнуть это в качестве важнейшего положительного фактора, поскольку во многих школах уроки пения велись «как Бог на душу положит» [3].

Число школ, отличавшихся положительными результатами в хорovém пении, постепенно росло. В 1912–1913 годах к ним причислялись мазановская, среднебельская, иннокентьевская, екатеринославская, николаевская и деепристанская духовные школы. Ученики этих школ не только обладали хорошими голосами, но и проявляли любовь к пению, хотя также учились в основ-

ном «с голоса». Тем не менее ими были освоены основные общеупотребительные песнопения: «Святый Боже», «Царю небесный», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Спаси, Господи», тропари двенадцатых праздников, отдельные части из литургии и всенощного бдения, гимны и патриотические песни. Вместе с псаломщиками учащиеся принимали участие в пении на клиросе, а также в выступлениях постоянно действовавших хорových коллективов.

Обучение пению проводилось на основе «Учебного обихода», «Октоиха» и «Краткого руководства для церковного пения по квадратной ноте» Д. Соловьева. Однако, несмотря на наличие уже имевшихся нотных учебных пособий по церковному пению на родных языках коренных жителей, дети, в большей части, все же учились не по нотам, а с «голоса». Оправдывалось это тем обстоятельством, что многие учителя сами не владели в достаточной мере нотной грамотой и поэтому передавали свои указания методом голосового показа.

Определенные успехи в развитии начального звена в области церковного хорového пения создали очевидные предпосылки для расширения его места и роли в среднем и высшем звеньях духовного образования, а также создания в учебных заведениях постоянно действующих певческих коллективов. В результате этого тревога за состояние певческого дела в низших звеньях – училищах и семинариях того времени – стала особой заботой высшего духовенства. Удивителен тот факт, что даже сами семинаристы порой не считали обучение пению своим кровным уделом и старались передать этот важнейший компонент православной службы местным дьячкам и псаломщикам. В конце концов это вызвало необходимость принятия ряда серьезных мер для возвышения престижа церковного хорového пения.

Одной из таких мер предписывалось иметь в каждом училище и семинарии свой постоянный певческий коллектив. Так, в Камчатской епархии (Якутск) в 1860 году создается мужской хор из числа лучших семинаристов. Имея в своем составе 36 певчих, этот хор на протяжении последующего десятилетия принимал участие в самых различных церковных службах, исполняя обязательный духовный репертуар, освоенный

на учебных занятиях. Знаменательно, что ректор семинарии Д. Хитров всячески добивался особо весомой значимости хора, являвшегося, в сущности, одним из главных действующих лиц в православном богослужении.

Хор Д. Хитрова отличался высокой исполнительской культурой, технической гибкостью и вокальным мастерством. Это позволило ему осваивать довольно разносторонний и сложный репертуар – богатую мелодическими напевами культовую музыку, хоровые концерты партесной и духовной музыки русских композиторов XVIII–XIX веков и проч. **В то же время отбор этого репертуара определялся реальным уровнем подготовки состава хористов.**

Успешно осваивались допущенные для исполнения в церкви духовные сочинения русских композиторов – М. С. Березовского, Д. С. Бортиянского, С. И. Давыдова, С. А. Дегтярева, П. И. Турчанинова. В конце уроков, особенно в старших классах, часто, о чем свидетельствуют архивные материалы, «устраивалось пение» ансамблем и хором сочинений известных авторов знаменного, киевского и греческого распевов, песнопений из сборников Орлова, Ф. Соколова, В. Главача «Сельские зори», Лебедева «Школьные хоры», «Лепты» Алтайской духовной миссии, антологии А. Рожнова и другой певческой литературы [9].

Известным в Якутской епархии был и хор женского духовного училища. Так, на одном из вечеров 30 декабря 1890 года две ученицы под аккомпанемент фисгармонии исполнили две песни на стихи М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины» и «В минуту жизни трудную (Молитва)», а хор учениц принял участие в нравственно-религиозном чтении и исполнил гимны из «Лепты» [8]. Тот же хор на двадцатипятилетию своего училища исполнил духовные сочинения «Торжествуй, наша обитель», «Прославление Бога природою» Л. Бетховена. Совместно с детским хором Мариинского приюта (регент Н. В. Завьялов) были исполнены хоровые концерты «Утоли болезни» А. А. Архангельского и «Светлой радостью горя» В. Главача [5].

В Благовещенской семинарии и соединенном с ней училище своими стараниями в области церковного хорового пения прославился Симеон Федорович Тихвинский [4].

Однако в духовных учебных заведениях исполнялась не только духовная музыка, но и светская. Так, на одном из литературно-музыкальных вечеров (12 февраля 1914 года) воспитанницы Благовещенского женского епархиального училища исполнили в концерте из двух отделений несколько хоровых сочинений светского содержания. В частности, прозвучали: «В непогоду ветер» Матвеева, «Еще в полях белеет снег» Зелинского, «Хор девушек» из оперы «Демон» Серова, «Пастишок» Зелинского, «Вечер прекрасный» Мироносицкого, «Попурри из русских песен» [1].

Подобные вечера проводились и в Иркутской духовной семинарии. Так, энергичным и талантливым регентом Архиерейского хора И. Райским в течение действовавших в 1909 году краткосрочных учительских курсов в духовной семинарии было дано два вокально-музыкальных концерта.

Первый из них состоялся 8 июля, неделю спустя после начала курсов. Краткий срок, отведенный на его подготовку, не помешал женскому хору весьма удачно выступить. Помимо инструментальных номеров, в которых приняли участие лучшие музыкальные силы Иркутска, верхом совершенства стало исполнение хором курсисток «Колыбельной» Голли на слова М. Лермонтова. Это было тихое, стройное и в высшей степени мелодичное пение. Многие впервые услышали подобное звучание, поэтому интерес к выступлениям хора не только не ослабевал, а со временем заметно усиливался [10].

Успех способствовал подготовке второго концерта так же состоявшегося из двух отделений и проведенного спустя три недели. Показательно, что на этот раз хор семинаристов исполнял вполне светскую музыку. В частности, среди многочисленных концертных номеров программу смешанного хора составляли: народная песня «На родимую сторонушку» Кленовского и «Колыбельная песня» А. Гречанинова. А женский хор в дополнение программы представил «Крестьянскую пирюшку» П. Чеснокова, что произвело неотразимое впечатление на слушателей [10].

Активность духовного хорового исполнительства была отличительной чертой архиерейских певческих коллективов во всех епархиях. Их составы были различны, однако, включали только мужские голоса. В рамках данной статьи приведем два характерных примера из историче-

ского прошлого Якутского архиерейского хора. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть следующие особенности. Во-первых, концертные программы подготовил выпускник Синодального училища, представитель коренного этноса Якутии – якут И. Винокуров, а во-вторых – исполняемые сочинения были очень трудны.

Так, в первом концерте хоровой состав из 70 человек, объединивший три хора – архиерейский, семинарский и любительский, – исполнил крупные хоровые полотна: концерты «Воскреше, Боже суди земли» и «Тебе, одеющего светом, яко ризию» П. И. Турчанинова (его лучшее сочинение), «Покаяния отверзи ми двери» и «На реках Вавилонских» А. В. Веделя (первое исполнение в Якутске), кондак «Страстям Христовым», «Покаяние разбойника благоразумного» (автор не указан), песнопение «Воскреше, Боже суди земли» П. И. Турчанинова, – оставившие необычайно сильное впечатление [14]. Среди сольных исполнителей особенный успех имели тенор С. Д. Диковский, могучий бас М. Н. Дубровский и чистый альт И. Винокуров, тогда еще певчий архиерейского хора [15].

Другая программа, которую хотелось бы выделить, носила бла-готворительный характер, состояла из трех отделений и была исполнена 8 декабря 1902 года уже регентом Архиерейского хора И. Винокуровым. В отличие от прошлых лет хор был уменьшен: в нем пело только 40 самых

лучших исполнителей. В концерте прозвучали ранее не исполнявшиеся в Якутске сочинения: «Блажен муж» Д. С. Бортнянского, «К Богородице прилежно» и «Господи, услыши молитву мою» А. А. Архангельского, «Утоли мои печали» иеромонаха Виктора, «Царю небесный» Сахарова, знаменные распевы «Блажен муж» П. И. Чайковского и «Взбранный Воеводе» В. А. Веделя. Концерт дополнили песнопения «От юности моя» Скворцова и сольный номер для тенора «Ныне отпускаеши» Соколова, исполненный под аккомпанемент хора [16]. Это выступление, как отмечено в «Якутских епархиальных ведомостях» (1911), явилось триумфом молодого, яркого якутского регента.

Приведенные в статье данные и примеры исполнения церковной музыки, разумеется, не воссоздают в полной мере картину музыкальной жизни духовных епархий Восточной Сибири в указанный исторический период. Но они, тем не менее, дают, на наш взгляд, возможность на конкретных примерах показать, что освоение русского церковного пения коренными народами огромного края благодаря их деятельности протекало более успешно.

Таким образом, становится ясным, что именно Православная церковь и ее певческо-хоровые институты сыграли первостепенную роль в становлении на востоке России музыкальной культуры Нового времени.

Литература

1. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1914. – № 6. – 15 сент. – Отд. неоф. – С. 80–81.
2. Иркутские епархиальные ведомости. – 1894. – № 24. – 18 июня. – С. 1, 2, 4.
3. Камчатские епархиальные ведомости. – 1886. – № 15. – 15 авг. – С. 470.
4. Камчатские епархиальные ведомости. – 1899. – № 24. – 31 дек. – С. 175.
5. НА РС (Я). – Ф. 5. – Д. 6. – Л. 368–371.
6. На РС (Я). – Ф. 287 И. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 11.
7. На РС (Я). – Ф. 287 И. – Оп. 3. – Д. 28. – Л. 41.
8. На РС (Я). – Ф. 293. – Оп. 2. – Д. 47. – Л. 91.
9. На РС (Я). – Ф. 898. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 87–89.
10. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1909. – № 23. – 1 дек. – С. 561, 563.
11. Тобольские епархиальные ведомости. – 1895. – № 23–24. – 1–16 дек. – С. 536.
12. Якутские епархиальные ведомости. – 1896. – № 1. – 1 янв. – С. 12–13.
13. Якутские епархиальные ведомости. – 1896. – № 5. – 1 марта. – С. 75.
14. Якутские епархиальные ведомости. – 1898. – № 7. – 1 апр. – С. 110–112.
15. Якутские епархиальные ведомости. – 1899. – № 17. – 1 сент. – С. 259–260.
16. Якутские епархиальные ведомости. – 1903. – № 1. – 1 янв. – С. 13–15.
17. Якутские епархиальные ведомости. – 1911. – № 1. – 1 янв. – С. 136.
18. Якутские епархиальные ведомости. – 1913. – № 2. – 16 янв. – С. 31–33.

References

1. Blagoveshchenskie eparhial'nye vedomosti, 1914, no 6, 15 sentjabrja. Otdelenie neofficial'noe, pp. 80–81.
2. Irkutskie eparhial'nye vedomosti, 1894, no 24, 18 ijunja, pp. 1, 2, 4.
3. Kamchatskie eparhial'nye vedomosti, 1886, no 15, 15 avgusta, p. 470.
4. Kamchatskie eparhial'nye vedomosti, 1899, no 24, 31 dekabrja, p. 175.
5. NA RS (Ja). – F. 5. – D. 6. – L. 368–371.
6. Na Rs (Ja). – F. 287 I. – Op. 1. – D. 2. – L. 11.
7. Na Rs (Ja). – F. 287 I. – Op. 3. – D. 28. – L. 41.
8. Na Rs (Ja). – F. 293. – Op. 2. – D. 47. – L. 91.
9. Na Rs (Ja). – F. 898. – Op. 5. – D. 6. – L. 87–89.
10. Pribavlenija k Irkutskim eparhial'nym vedomostjam, 1909, no 23, 1 dekabrja, pp. 561, 563.
11. Tobol'skie eparhial'nye vedomosti, 1895, no 23–24, 1–16 dekabrja, p. 536.
12. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1896, no 1, 1 janvarja, pp. 12–13.
13. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1896, no 5, 1 marta, p. 75.
14. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1898, no 7, 1 aprelja, pp.110–112.
15. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1899, no 17, 1 sentjabrja, pp. 259–260.
16. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1903, no 1, 1 janvarja, pp. 13–15.
17. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1911, no 1, 1 janvarja, p. 136.
18. Jakutskie eparhial'nye vedomosti, 1913, no 2, 16 janvarja, pp. 31–33.